

А. А. Пескова

К ВОПРОСУ О МЕСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В ИЗГОТОВЛЕНИИ БОРИСОГЛЕБСКИХ КРЕСТОВ- РЕЛИКВАРИЕВ В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛЕ¹

Статья посвящена анализу предметов христианского благочестия с изображениями святых князей Бориса и Глеба второй половины XII—XIII в., найденных на Галицко-Волынских землях.

Ключевые слова: средневековая Русь, кресты-реликварии, иконки-складни, технология, иконография, эпиграфика, святые князья Борис и Глеб, региональное ремесло.

Кресты-реликварии с изображениями первых святых Киевской Руси — князей Бориса и Глеба являются одним из самых характерных произведений древнерусского художественного литья. Борисоглебские энколпионы, в целом отличающиеся стабильностью представленной на них иконографической схемы, характеризуются разнообразием технологического исполнения самих крестов.

Кресты с изображением святых братьев представлены всеми возможными вариантами, за исключением украшенных выемчатой эмалью: рельефными с высоким рельефом и свободной компоновкой изображений (тип II.3.1), рельефными с низкорельефными изображениями (тип VIII.3.1, VIII.3.2), рельефно-черневыми (III.2.1) и черневыми (тип IV.4.5) [Корзухина, Пескова, 2003, с. 86—94, табл. 39—43, 111—116; 60—64, 152; 90, 225—228; 155, 157]. Несмотря на то, что древнейшие экземпляры таких крестов датируются сегодня началом — первой третью

XII в. [Корзухина, Пескова, 2003, с. 87; Мусин, Степанов, 2009, с. 342—356], можно предполагать, что традиция их изготовления появилась еще в конце XI в., а сами кресты, как показывают археологические находки, изготавливались и бытовали до XIII в. включительно. Относительная хронология таких энколпионов, построенная на технологических признаках (рельефные — рельефно-черневые — черневые), которая завершается произведениями с низким рельефом, сегодня представляется далеко не безусловной [Корзухина, Пескова, 2003, с. 87, 111, 141, 225, 236, 237, 240]. История начального и финального этапов изготовления и бытования этих энколпионов до сих пор нуждается в дополнительном изучении и уточнении.

Существенную роль в этих исследованиях играют новые находки энколпионов на западных землях Киевской Руси. Так, в недавнее время корпус древнерусских крестов-реликвариев, обнаруженных на территории современной Польши, пополнился двумя идентичными борисоглебскими крестами необычного облика. Один из них был обнаружен в Санточно на севере Польши (Sątoczno, powiat *kętrzyński*, województwo *warmińsko-mazurskie*) (рис. 1) [Wysocki, 2001, s. 48; Dzieńkowski, Wołoszyn, 2012, p. 396, fig. 6], створка другого — в Чулцице недалеко от летописного Холма (Czulczyce, powiat *chełmski*, województwo *lubelskie*) (рис. 2) [Dzieńkowski, Wołoszyn, 2012, p. 393, fig. 4]. Авторы публикации, исходя из своеобразия этих крестов, предлагают видеть в них новый тип борисоглебских энколпионов, рассматривая эти кресты как «возможное свидетельство локального производства предметов христианского культа», связанного с западными регионами Киевской Руси [Dzieńkowski, Wołoszyn,

1. Статья написана в рамках проекта «Złote jabłko polskiej archeologii. Zespoły grodowe w Czermnie i Gródku (Grody Czerwieńskie) — chronologia i funkcja w świetle badań dawnych oraz weryfikacyjnych», Narodowy Program Rozwoju Humanistyki, № 12H 12 0064 81. Приношу благодарность А.Е. Мусину, инициировавшему написание этой статьи, за помощь в ее подготовке.

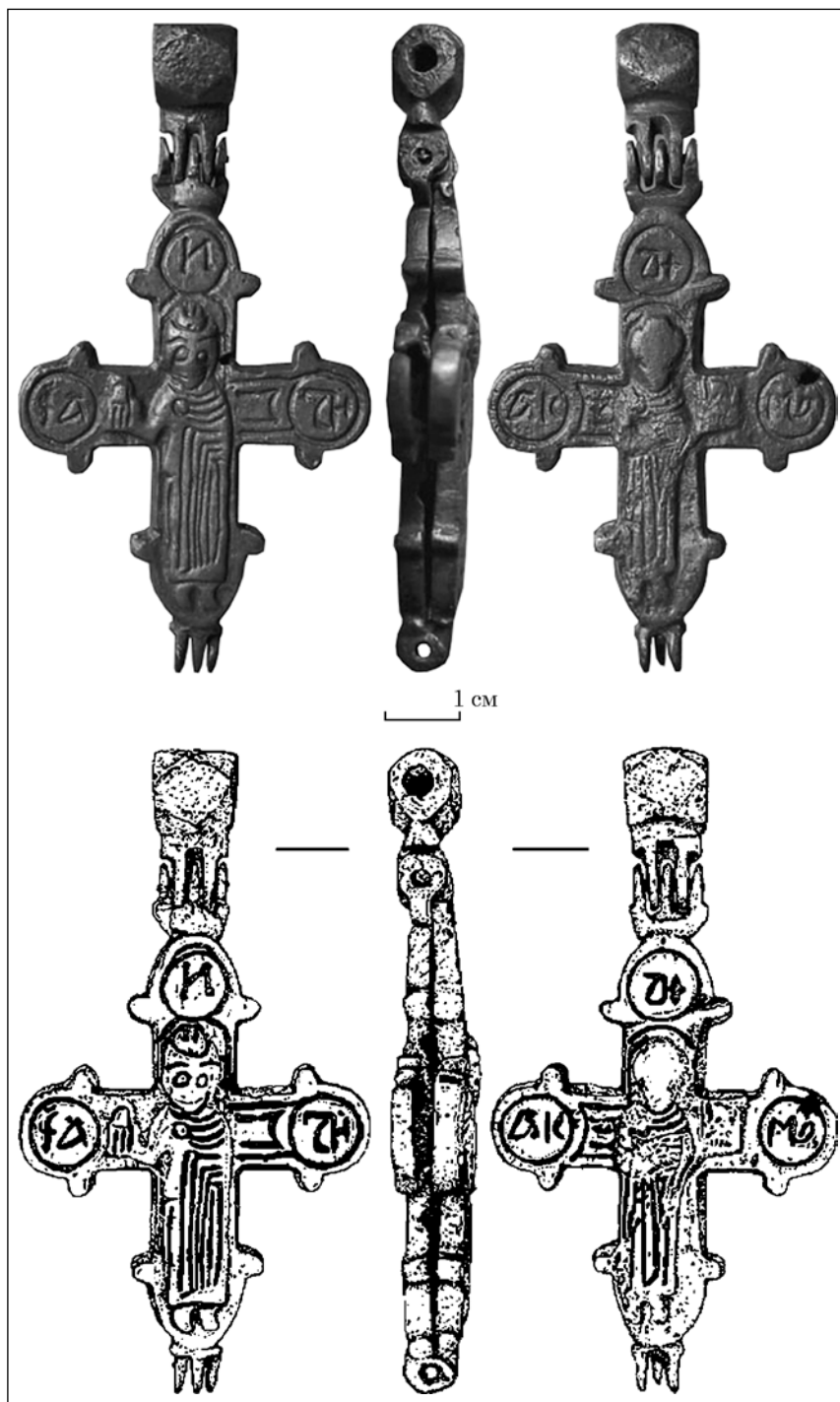

Рис. 1. Рельефный крест-реликварий с образами свв. князей Бориса и Глеба, случайная находка (Sałocznó, pow. Kętrzyn, woj. warmińsko-mazurskie, Polska; рис. J. Oźóg; фото M. Wołoszyn (по: [Dziękowski, Wołoszyn, 2012])

крестах в медальонах обычно помещены погрудные изображения святых, выполненные углубленными инкрустированными линиями в сочетании с гравировкой. Свободное поле между медальоном и центральным рельефным изображением дополнительно декорировано простой углубленной линией, служащей обрамлением для еще одной неясной надписи, нанесенной менее глубокими, чем в медальонах, линиями. Отметим, что на классических борисоглебских крестах как рельефных, так и рельефно-черневых, на этом месте обычно размещены сокращенные имена свв. Бориса или Глеба, выполненные тонкими гравированными линиями.

Таким образом, все углубленные линии на рассматриваемых энколпионах литые, тогда как на классических рельефно-черневых крестах литыми были только предназначенные для инкрустации контурные линии медальонов и несколько опорных линий в изображениях святых, а лики святых, иногда нимбы и детали одежд выполнены тонкими гравированными линиями, как и именующие надписи. Гравированные линии на

2012, p. 393, fig. 4]. Выделение нового типа в данном случае представляется довольно спорным, тогда как предположение об их местном изготовлении кажется весьма перспективным. Попробуем рассмотреть оба тезиса детальнее.

На створках данных крестов в центре помещены рельефные изображения святых Бориса и Глеба, характерные для всех классических борисоглебских крестов; на верхнем и боковых концах створок углубленными линиями без инкрустации нанесены медальоны, а в медальонах такими же углубленными линиями выполнены надписи, пока не поддающиеся прочтению. Известно, что на классических рельефно-черневых

крестах рельефно-черневой группы, как правило, очень плохо сохраняются, но именно они передают стилистические особенности и «руку мастера», поэтому изготовление аналогичного креста в местных условиях просто невозможно. Однако известны борисоглебские кресты-реликварии, выполненные как прямое подражание киевским рельефно-черневым образцам, но на них очень грубые, даже примитивные, изображения святых в медальонах сделаны углубленными линиями без инкрустации, как например, на одной из створок, происходящей из раскопок Шепетовского городища (с. Городище, Шепетовский р-н, Хмельницкая обл., Украина)

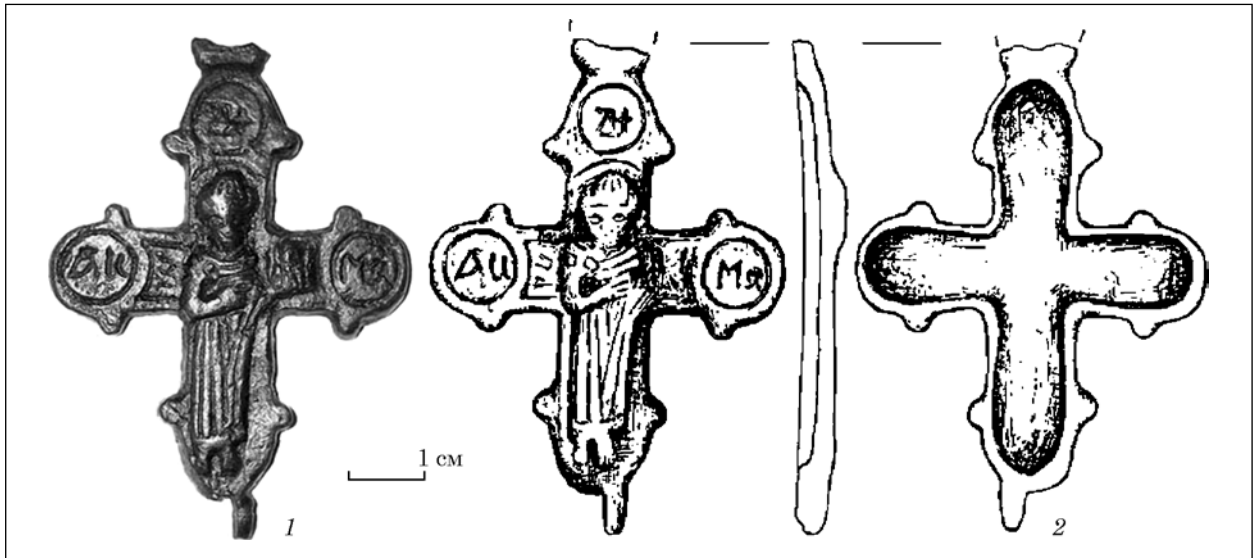

Рис. 2. Створка креста-реликвария с изображением св. князя Глеба, случайная находка (Czulczyce, powiat Chelm, województwo lubelskie, Polska; рис. E. Hander; фото Т. Dzieńkowski (по: [Dzieńkowski, Wołoszyn, 2012])

или на кресте из сборов в Среднем Приднепровье [Корзухина, Пескова, 2003, с. 111, табл. 61, кат. Ш.2.1/4; 114, табл. 60, кат. Ш.2.1/28]. Пример шепетовской створки особенно показателен, так как на этом городище было обнаружено еще три борисоглебских рельефно-черневых креста несомненно киевского производства [Корзухина, Пескова, 2003, с. 111—112, табл. 61, кат. Ш.2.1/3, 5, 6], то есть у местного мастера было достаточно образцов для подражания, но мало навыков и опыта для изготовления высококачественного экземпляра (рис. 3).

Другие особенности рассматриваемых энколпионов, прежде всего, нечитаемые литерообразные знаки, могут получить возможное объяснение при сравнении с некоторыми группами прочих древнерусских крестов, в частности, рельефных энколпионов с буквами в медальонах [Корзухина, Пескова, 2003, с. 190—192, кат. VI.5/1—10, табл. 115; Пескова, 2004, с. 161—167]. Эта группа представлена небольшими по размерам крестами (в среднем 4 × 5 см), с мелкими схематичными центральными изображениями и крупными буквами в четырех медальонах. Неглубокие створки оконтурены снаружи невысокими бортиками. Все изображения и буквы выполнены на одном уровне с бортиками в низком плоском рельефе. Изображение Богоматери в типе оранты и ее монограммы в боковых медальонах МР ΘΥ помещены на лицевой створке, как на крестах с молитвенным обращением «Святая Богородица, помогай» — тип VII.1.1 [Корзухина, Пескова, 2003, с. 193—194, табл. 117—135]. Исключением является лишь одна лицевая створка с изображением Распятия из собрания НМИУ [Корзухина, Пескова, 2003, с. 191—192, кат. VI.5/7]. Из-за нечеткости мелких центральных изображений, особенно на повторных отливках, иконографический тип изображения Богоматери на данных

Рис. 3. Створка рельефного креста-реликвария с изображением св. князя Бориса, с. Городище, Шепетовский р-н, Хмельницкая обл., Украина (раскопки М.К. Каргера; фото ИИМК РАН (по: [Корзухина, Пескова, 2003])

крестах иногда трактуется как Воплощение, а иногда и вовсе воспринимается как Распятие [Gródek-Kciuk, 1989, s. 114, no 7, rys. 7]. На оборотной створке представлено изображение Распятия и монограммы в боковых медальонах ІС ХС. В верхнем и нижнем медальонах на обеих створках изображена буква Х.

Все буквы на этом кресте крупные и воспринимаются как самостоятельный декоративный элемент, при этом именующие надписи в виде монограмм в боковых медальонах — традиционные каноничные, а значение буквы Х в верхнем и нижнем медальонах можно толковать по-разному. Тем не менее, в данном случае этот знак стоит рассматривать именно как букву, соотно-

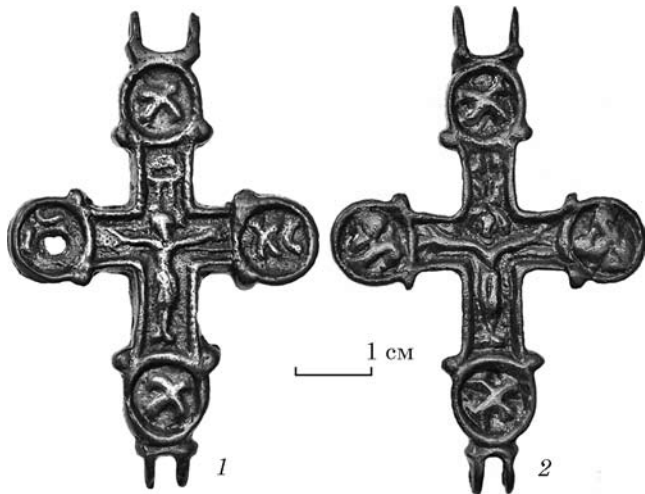

Рис. 4. Рельефные кресты-реликварии с буквами в медальонах (Czermno, pow. Tyszowce, woj. lubelskie, Polska; Muzeum Regionalne im. Janusza Petera w Tomaszowie Lubelskim): 1 — no MT/1777/1/A; 2 — no MT/1890/2/A (по: [Bagińska, Piotrowski, Wołoszyn, 2012])

символу с именем Христа, а не просто декоративный крест, какие можно встретить на энколпионах с перегородчато-выемчатой эмалью, поскольку здесь концы буквы не достигают контуров медальона и имеют небольшие утолщения, как и у букв в боковых медальонах. Это важно подчеркнуть, поскольку некоторые современные исследователи вслед за Б.А. Рыбаковым иногда трактуют кресты, в том числе и крест, и крестовидные композиции даже на крестах-энколпионах как языческие символы, несущие аграрно-магическую закликательную нагрузку.

Единичные находки таких крестов, известные по публикациям первой половины XX в., были сделаны на городище Княжа гора у с. Пекари некогда Каневского уезда Киевской губернии (сегодня — Каневский р-н, Черкасская обл., Украина) [Корзухина, Пескова, 2003, с. 191, табл. 115, кат. VI.5/5], в окрестностях г. Винница (Украина) [Корзухина, Пескова, 2003, с. 190—191, табл. 115, кат. VI.5/1], г. Дрогичина на территории Польши (Drohiczyn, powiat siemiatycki, województwo podlaskie) [Bołsunowski, 1903, tab. 20, 7; Корзухина, Пескова, 2003, с. 191, кат. VI.5/2].

Из археологических раскопок происходят четыре целых креста с оглавиями, один из них найден на городище Майшыгола близ Вильнюса (Maišiagalos, Vilniaus rajono savivaldybė, Lietuva) в мешаном слое XIV—XVI вв. [Корзухина, Пескова, 2003, с. 191, кат. VI.5/3]¹, другой — на городище Савкина горка (Пушкиногорский р-н, Псковская обл., Россия) [Корзухина, Пескова, 2003, с. 191, табл. 115, кат. VI.5/4]. Ю.М. Лесман датировал этот крест 1177—1281 гг., а его депозицию отнес ко времени 1224—1238 гг. [Лесман, 1994,

1. Руководитель раскопок Р. Волкайте-Куликаускаене относит этот энколпион к типу Богородичных с обращением «Святая Богородица, помогай» (тип VII.1.1) [Волкайте-Куликаускаене, 1972, с. 418—419].

с. 151, 152; Белецкий, 1977, с. 121, рис. 11, 5]. Еще один крест интересующего нас типа происходит с городища Снядин (Петриковский район, Гомельская область, Белоруссия). Он найден в заполнении подпольной ямы жилища второй половины XII — первой половины XIII в. Этот энколпион комбинированный: его лицевая створка рельефная с изображением Богоматери Оранты, стандартная для этого типа, а оборотная створка плоская — с черневым изображением Креста и букв в медальонах (IC XC NI KA) [Корзухина, Пескова, 2003, с. 191, табл. 115, кат. VI.5/6]. Еще один целый энколпион был найден в 2013 г. на Курортном раскопе в г. Старая Русса в слоях второй половины XIV в. (СтРК-I, уч. 2, 12-64-№ 94, 7,2 × 4 × 1 см) [Торопова, 2014, т. 2, с. 42; 2014, т. 5, с. 133, рис. 145, 3а, б]. Наконец, в Великом Новгороде на Рогатицком раскопе в слоях XIV в. был найден аналогичный крест-реликварий с оглавием, в котором сохранились волокна шнура для привешивания и небольшой фрагмент бронзовой проволоки, соединяющей подвижный шарнир крепления створок [Гайдуков, Олейников, 2014, рис. 3, 3; Гайдуков и др., 2015, с. 74 (без иллюстрации)].

Две створки подобных крестов с изображением Распятия были найдены во время археологических разведок 2010—2011 гг. на посаде городища Чермно и переданы в собрание Регионального музея им. Януша Петера, Томашев Любельский, Люблинское воеводство, Польша (nos MT/1777/1/A, MT/1890/2/A) [Bagińska, Piotrowski, Wołoszyn, 2012, tab. II.3, 5, 6]. Авторы каталога датируют их XIII—XIV и даже XV вв., в качестве предположительного места изготовления называют Киев (рис. 4). Еще два энколпиона найдены на территории Западной Волыни и хранятся в фондах Волынского краеведческого музея и в частной коллекции [Кучинко, Охрименко, Савицкий, 2008, табл. XVIII, 6а, б]. Еще четыре креста происходят из коллекций ГРМ, г. Санкт-Петербург, Россия, и НМИУ, г. Киев, Украина [Корзухина, Пескова, 2003, с. 191—192, табл. 115, кат. VI.5/7—10]. Своеобразным вариантом этого типа крестов представлен экземпляр из собрания музеев Московского Кремля, составленный из стандартной оборотной створки с Распятием и необычной лицевой створки, на которой вместо центрального изображения Богоматери Оранты помещено низкорельефное изображение Креста с надписью IC XC NI KA, в боковых медальонах — буквы IC XC, а в верхнем и нижнем медальонах — традиционные буквы X [Моршакова, 2013, с. 96—97, кат. 13].

В целом рассматриваемая модель креста, хоть и весьма схематичная, выполнена вполне в традициях домонгольской металлопластики первой половины XIII в., с ориентацией на Богородичные энколпионы (те же пропорции, количество медальонов, близкие размеры, наконец помещение изображения Богоматери на лицевую створку). Созданная, по-видимому, неза-

долго до монголо-татарского нашествия, судя по хронологии поселений на городищах Снядин и Савкиной горке, она бытовала благодаря простоте воспроизведения, по меньшей мере, до XIV в. (Великий Новгород, Старая Русса, Майшягала). Находки таких крестов на западном пограничье Древней Руси (Чермно (2), Дрогичин, Западная Волянь (2) — треть от всех известных на сегодня находок крестов этого типа) указывают на то, что и здесь они были достаточно известны и могли послужить создателю новой модели борисоглебского энколпиона не образцом, но примером декорирования медальонов буквами. Однако, в результате многократных переотливок в не специализированных мастерских буквы в медальонах зачастую становились не читаемыми, их сакральный смысл утрачивался.

Был ли грамотен мастер борисоглебского энколпиона, трудно сказать, но то, что он был не вполне сведущ в иконографических особенностях древнерусских энколпионов вообще и борисоглебских в частности, сомнений не вызывает. Мастер, изготовивший модель, по которой отливались кресты из Чулчице и Санточно, по-видимому, имел в своем распоряжении в качестве образца борисоглебский крест с полностью стершимися изображениями святых в медальонах и потому уже на восковой модели, сделанной им по оттиску в глине с имевшегося образца, просто заменил их буквами, возможно следуя в этом отношении композиции, характерной для некоторых крестов черневой группы или низкорельефных крестов с буквами в медальонах. Модель креста-реликвария, полученная в результате такого упрощения с целью облегчения его воспроизведения доступными средствами вряд ли стоит рассматривать как новый иконографический тип, скорее как случайный локальный вариант.

Примечательно, что близкий прием был использован при изготовлении еще одного креста-реликвария с комбинированными створками с изображениями рельефного Распятия на лицевой створке и 8-конечного креста с сиянием на плоской оборотной, недавно обнаруженного в Холме (Muzeum Ziemi Chełmskiej w Chełmie, по СН/Л/в-23/2003; рис. 5). Крест был найден при раскопках у дома 7 по ул. Любельской в слоях XIII — середины XIV в. [Dzieńkowski, 2013, s. 307—312, рис. 3; 4; 2014, s. 159—160, рис. 8]. Обе створки этого креста были сделаны на основе стандартных створок рельефно-черневой группы (тип III.2.4) [Корзухина, Пескова, 2003, с. 127—132, табл. 72—75], но по упрощенной схеме: на лицевой створке инкрустированные изображения ликов предстоящих на боковых концах были заменены медальонами с буквами IC XC, выполненными углубленными линиями без инкрустации, как и крест в возглавии; на оборотной створке вместо традиционных четырех инкрустированных медальонов с каноничной формулой IC XC NI KA изображены углубленными линиями без инкрустации только два боковых

Рис. 5. Крест-реликварий с изображением Распятия и Креста с сиянием (Chełm, woj. lubelskie, Polska; раскопки Т. Dzieńkowski, S. Gołub, фото G. Zabłocki)

медальона с буквами IC XC, а восьмиконечный крест занял всю плоскость створки по вертикали; на поверхности створки и несоразмерного этому кресту, очевидно «чужого», оглавия сохранились следы лужения (?). Таким образом, изготовление обеих створок холмского энколпиона, как и рассмотренных выше борисоглебских крестов могло бы сводиться просто к литью.

Эти кресты, в которых ясно читается местное изготовление по киевским образцам и которые можно датировать XIII в., возможно его серединой и даже второй половиной, позволяют затронуть вопрос о судьбе киевского ремесла после 1240 г. и художественном развитии Галицко-Волянской державы. Известно, что повесть о построении града Холма приписывает расцвет местных ремесел миграции населения из Киевской земли: «мастеръ всацїи бѣжахоу ис Татаръ . сѣдѣльници и лоучници . и тоулници . и коузницѣ . желѣзоу и мѣди и среброу . и бѣ жизнь» [Ипатьевская ..., 1908, стб. 843]. Очевидно, что художественный и ремесленный прогресс эпохи короля Даниила был вызван не только пришлыми кадрами, как полагает хронист, но и интенсификацией местных сил. В условиях упадка киевского ремесла местные литейщики пытались подражать его лучшим образцам, используя собственные навыки.

Новые находки предметов борисоглебского культа предоставляют нам дополнительную информацию и по истории черневых энколпионов с изображениями святых князей. До недавнего времени было известно лишь два экземпляра черневых энколпионов с изображениями свв. Бориса и Глеба — лицевая и оборотная створки, найденные в с. Крылос — древнем Галиче [Корзухина,

Рис. 6. Створка креста-реликвария с черневым изображением св. князя Бориса, случайная находка (с. Крылос, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл., Украина. Исторический музей, г. Львов (КР-16551); фото А.Е. Мусина)

Пескова, 2003, с. 152, табл. 90, кат. IV.4.5/1—2] (рис. 6). Г.Ф. Корзухиной, во время ее работы над классификацией древнерусских энколпионов, эти экземпляры еще не были известны, более того, отсутствие борисоглебских энколпионов в группе черневых рассматривалось ею как одно из оснований для выстраивания относительной датировки древнерусских крестов-реликвариев [Корзухина, Пескова, 2003, с. 29—32]. Однако в последнее время появились заслуживающие внимания новые образцы с черневыми изображениями свв. Бориса и Глеба, требующие специального рассмотрения. Это миниатюрный энколпион из Белоруссии и створка иконки-складня из Чермно в Польше, расширяющие прежние представления о развитии черневого дела на Руси.

Миниатюрный черневый энколпион с закругленными концами с изображением святых князей был найден у д. Шишки на берегу реки Береза в Слонимском р-не Гродненской обл. Беларуси (рис. 7)¹. На обеих его створках князья изображены стоящими с крестами в руках, в плащах (?) и шапках, похожих на царственные венцы; над их головами, окруженными нимбами, украшенными точечными углублениями, едва заметны кресты, обозначенные четырьмя точками; на боковых концах створок видны полустертые гравированные именующие надписи: на лицевой створке БР[?], на оборотной Е БО;

1. Автор благодарна заведующему Отделом археологии Средних веков и Нового времени Института истории НАН Беларуси к. и. н. В.И. Кошману за сведения об этой находке (http://arheolog.by/gallery/image_page.php?album_id=10&image_id=1336; консультация: 13 февраля 2016 г.).

Рис. 7. Крест-реликварий с черневыми изображениями свв. князей Бориса и Глеба, случайная находка (д. Шишки, Слонимский р-н, Гродненская обл., Белоруссия (по: <http://arheolog.by>))

контуры створок подчеркнуты углубленной линией и украшены косыми насечками. Заметных возрастных отличий в изображении князей не прослеживается, возможно, из-за очень плохой сохранности гравированных линий (или незавершенности?) изображения на лицевой створке. О присутствии черни по фотографии судить трудно, однако в самой глубокой линии в изображении шапки угадывается какое-то заполнение, покрытое сверху позолотой (?), другие глубокие линии, по-видимому, тоже были вызолочены. Стилистически изображения на створках выполнены в манере, присущей изделиям, вышедшим из киевской «Большой мастерской»: торсы фигур скругленные, лик князя проработан характерными гравированными линиями — разнонаправленными дуговидными отрезками.

Гипотетическая «Большая мастерская» была выделена Г.Ф. Корзухиной при изучении ею рельефно-черневых и черневых энколпионов, функционирование мастерской отнесено ко второй—третьей четверти XII в.; предполагалось, что во второй четверти XII в. изготавливались энколпионы рельефно-черневой группы, а в середине XII в. в пору расцвета черневого дела на Руси произошел переход к изготовлению черневых энколпионов [Корзухина, Пескова, 2003, с. 29—32]. В настоящее время благодаря надежно датированным находкам энколпионов обеих групп в Великом Новгороде и Старой Руссе можно утверждать, что изготовление миниатюрных черневых крестов-реликвариев (типа IV.6.1/47) было налажено на Руси уже не позднее середины XI в., а рельефно-черневых (типа III.1.1/3) — не позднее рубежа XI—XII вв. [Корзухина, Пескова, 2003, с. 170, табл. 55, 100, 102]. Стилистическое единство изделий, вышедших из «Большой мастерской», не вызывает сомнений и по сей день, однако вопросы о времени и особенностях ее функционирования еще очень далеки от разрешения, и остается на-

деяться только на скрупулезное исследование новых памятников по мере их появления, к каковым относятся и рассматриваемые черневые створки энколпионов и иконки-складня.

Примечательно, что гравированные изображения святых князей на белорусской находке размещены на створках не стандартных борисоглебских энколпионов малого размера, а на створках миниатюрных энколпионов рельефно-черневой группы, возникновение которых, отгалкиваясь от датированной новгородской находки створки этого типа (Ш.3.1/2), относится к рубежу XI—XII вв. [Корзухина, Пескова, 2003, с. 132—138, кат. Ш.3.1, табл. 76]. Они в целом отвечают композиции этих энколпионов, особенно полно повторяют композицию створки с изображением Богоматери, с той разницей, что центральное рельефное изображение Богоматери заменено гравированным изображением святого князя, при этом сохраняется даже изображение креста на верхнем конце створки, намеченные четырьмя точками, на боковых концах традиционно размещены именуемые надписи, а контуры креста подчеркнуты углубленной линией и украшены косыми насечками. Отметим также, что миниатюрные черневые энколпионы с закругленными концами в корпусе древнерусских крестов-реликвариев до сих пор не были известны, если не считать немногочисленные отдельные створки с черневым изображением Креста, которые входили в состав комбинированных рельефно-черневых крестов подтипов Ш.3.2 и Ш.3.3, являвшихся по сути лишь вариантами энколпионов типа Ш.3.1 [Корзухина, Пескова, 2003, с. 139—140, табл. 77]. Таким образом, рассматриваемый экземпляр является пока единственным миниатюрным энколпионом с образами свв. князей Бориса и Глеба и третьим в группе черневых борисоглебских энколпионов, считая уже упомянувшим крестосские створки (одна из них — из раскопок Я. Пастернака, другая поступила в Исторический музей Львова из Музея Научного товарищества им. Шевченко, тоже с указанием на с. Крылос как место находки) [Корзухина, Пескова, 2003, с. 152, табл. 90, кат. IV.4.5/1—2].

Основное отличие крестосских створок от миниатюрного энколпиона из Белоруссии в том, что они по форме, размеру и композиционной схеме полностью соответствуют многочисленным борисоглебским энколпионам рельефной [Корзухина, Пескова, 2003, кат. II.3.1, табл. 39—43] и рельефно-черневой [Корзухина, Пескова, 2003, кат. III.2.1, табл. 59—64] групп. Неясным, к сожалению, остается иконографический тип изображений святых князей на крестосских створках: по полустершимся изображениям трудно судить, были ли князья изображены с храмами / венцами (как на стандартных борисоглебских энколпионах) или с мученическими крестами (как на энколпионе из Белоруссии). Попытка создать черневую реплику стандартного борисоглебского энколпиона малого размера, каковыми являются створки из Крылоса, представляется естественной и логически оп-

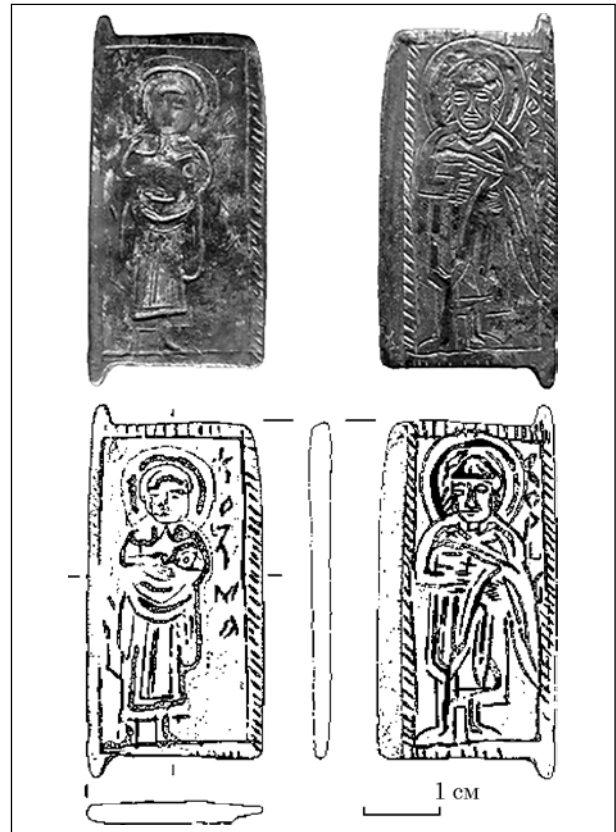

Рис. 8. Створка иконы-складня с черневыми изображениями св. князя Бориса и св. мч. Козмы (Czeremno, pow. Tyszowce, woj. lubelskie; Muzeum Regionalne im. Janusza Petera w Tomaszowie Lubelskim (no MT/1541/1/A) (по: [Bagińska, Piotrowski, Wołoszyn, 2012]))

равданной, тогда как создание черневого варианта миниатюрного борисоглебского энколпиона (энколпион из Белоруссии) на основе створок иного (не борисоглебского) иконографического типа пока выглядит случайным явлением. При этом в стилистике резьбы на обеих моделях угадывается следование киевским черневым образцам, вышедшим из «Большой мастерской»; сближает их и общая манера изображения головных уборов князей, прорисованных особенно тщательно и похожих не столько на шапки, сколько на царственные венцы. Отсутствие археологического контекста у находки из Белоруссии вызывает некоторые сомнения в подлинности этого креста, однако наличие у него общих иконографических и стилистических черт с крестосскими створками не позволяет обойти вниманием этот экземпляр, возможно, новый черневый вариант борисоглебского креста-энколпиона.

Ближайшие аналогии изображениям святых князей на черневых борисоглебских энколпионах находятся в изображениях на створке черневой иконки-складня с изображениями на одной стороне князя Бориса в образе мученика с крестом в правой руке, на другой — святого целителя Козмы, найденной во время полевых исследований в Чермно в 2010—2011 гг. [Bagińska, Piotrowski,

Рис. 9. Створка іконки-складня з черневими зображеннями св. князя Бориса і св. мч. Козми, випадкова находка (Переславський р-н, Ярославська обл., Росія (по: <http://domongol.org>))

Woloszyn, 2012, s. 254—255, рис. 3, таб. II.6.4] (рис. 8). По техніці і стилю вона, як і черневі борисоглебські энколпиони, може бути отнесена до кола виробів, пов'язаних з продукцією «Большой мастерской», хоча відрізняється від них в цілому більш вільним, майже небрежним, виконанням гравірованого малюнка і деяким своєрідністю в деталях, таких як форма князівської шапки, зображення волосся князя косими штрихами, нимби, оздоблені не точковими углубленнями, а глибокою контурною лінією. Створка з Чермного є першою находкою, що свідчить про існування на Русі іконки-складня з черневими зображеннями св. Бориса і Глеба, виконаною в традиціях «Большой мастерской»¹, діяльність якої, як видно, не обмежувалася виготовленням хрестів-реликварієв.

Додатковим свідченням тому можуть бути давньоруські образки-привески з інкрустованими зображеннями Спасителя на одній стороні і процвітаючого хреста на другій, виконаними в тій же характерній схематичній манері, як і зображення в медальйонах рельєфно-черневих і черневих энколпионів, наскільки можна судити по глибоким контурним лініям з інкрустацією, що визначають композицію в цілому, оскільки деталізовані тонкими гравірованими лініями на полустертих привесках-образках, як правило, не прослідковується. В північній Русі такі образки виявлені в основному в похованнях, датованих XII в. — в могильниках Нефедьєво ІВ в Вологодській обл. (3 екз.) і у д. Кнутаха в Івановській області Росії [Макаров, 1991, с. 13, 18, рис. 1, 26—28; Уткин, 1991, с. 97, рис. 2, 3]. В південно-русських землях один образок походить з розкопок на по-

селенні Кошчєєвка 8 в Фастовському р-ні Київської обл. (Україна), де датується серединою XII — XIII вв. [Лысенко, Шклярєвський, Квітницький, Черновол, 2012, с. 42, 130, 326, рис. 208], ще три екземпляри належать до випадкових находок на поселенні Мушкатівка в Тернопільській обл. і в с. Стайки в Середньому Подніпров'ї, Україна [Гаврилюк, Ягодінська, 2005, с. 138, рис. 9, 8, 10; Ханенко Б., Ханенко В., 1900, табл. XXVIII, 323]. Звичайно, такі привески-образки могли бути виготовлені не обов'язково в Києві, але і в інших центрах з розвинутим ремеслом, однак, поява початкової моделі, найімовірніше всього, пов'язана з роботою «Большой мастерской».

Отже, в створці іконки-складня з Чермного ми бачимо, скоріше всього, зразок київського майстерства (привозний або зроблений на місці київським майстром), в крильоских створках — репліках на стандартні борисоглебські энколпиони і мініатюрному подражанні київської манери різьби, але з характерними особливостями, що зближують їх між собою (це не тільки шапки-венці, але і загальне відхилення від іконографії святих князів, зображених на класических борисоглебських энколпионах, і одночасно наближення до іконографії червоної створки). Час виготовлення поки можна визначити лише дуже приблизно — XII в. З однієї сторони, це пов'язано з часом функціонування умовної «Большой мастерской», початок якої сьогодні слід датувати не пізніше середини XI в., а кінець відносити, по-видимому, до останньої чверті XII в. З іншої сторони, воно повинно бути обмежене часом становлення широкого шанування св. князів Бориса і Глеба, то є не раніше кінця XI — початку XII вв.

Таким чином, розглянуті нами рельєфні хрести-энколпиони з образами св. Бориса і Глеба, виявлені в південно-західних землях Давньої Русі, дозволили виділити деякі локальні особливості в виготовленні цієї групи хрестів на фінальному етапі розвитку традиції. В той же час нові находки черневих пам'яток культового лиття з образами святих князів розширили наші уявлення про розвиток давньоруського черневого ремесла в цілому і борисоглебського культу, зокрема, на етапі його становлення.

Белецький В.Д. Археологічні роботи в Державному заповіднику імені А.С. Пушкіна // АСГЭ. — 1977. — № 18. — С. 110—125.

Волкайте-Куликаускає П. Городище Майшигола // АО 1971 г. — М., 1972. — С. 418—419.

Гаврилюк О.Н., Ягодінська М.А. Давньоруські предмети християнського культу західної Подолії і південно-західної Волині // Археологічні вісті. — 2005. — № 12. — С. 123—141.

Гайдуків П.Г., Кудрявцев А.А., Олейников О.М. і др. Дослідження в південній частині Плотницького кінця Великого Новгороду в 2014 г. // Матеріали XXIX науц. конф., присвяч. 150-літтю Новгородського музею-

1. Аналогічна створка (22 × 43 мм) відома серед випадкових находок 2013 г. в Переславському р-ні Ярославської обл. Росії (http://domongol.org/gallery/image_page.php?image_id=7646: консультація 13 лютого 2016 г.) (рис. 9).

заповедника, Великий Новгород (27—29 января, 2015 г.). — Великий Новгород, 2015. — С. 66—77 (Новгород и Новгородская земля: история и археология. — Вып. 29).

Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Новейшие археологические открытия в Великом Новгороде [в 2014 г.]. — Электрон. ресурс; режим доступа: archaeolog.ru/?id=2&id_nws=268&id_nws=9.

Ипатьевская летопись. — Полное собрание русских летописей. — Т. 2. — СПб, 1908. — 938 с.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. — СПб, 2003. — 432 с. (РАН, ИИМК. Труды. — Т. 7).

Кучинко М., Охріменко Г., Савицький В. Культура Волині та Волинського Полісся князюп доби. — Луцьк, 2008. — 350 с.

Лесман Ю.М. К хронологии городища Савкина горка // Памятники средневековой культуры: Открытия и версти; Сб. статей к 75-летию В.Д. Белецкого. — СПб, 1994. — С. 146—154.

Лысенко С.Д., Шкляревский Е.И., Квитницкий М. В., Черновол Д.К. Многослойное поселение Кошцево-8. Материалы Фастовской археологической экспедиции. — Киев; Фастов, 2012. — Вып. 1. — 332 с.

Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI—XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. — 1991. — Вып. 205. — С. 11—20.

Моршакова Е.А. Древнерусская мелкая пластика: Наперсные кресты, иконы и панагии XII—XVII веков: Каталог. — М., 2013. — 359 с.

Мусин А.Е., Степанов А.М. Находка иконки свв. Бориса и Глеба на Борисоглебском раскопе в Новгороде в контексте иконографии святых братьев на Руси // «Хорошие дни»: Памяти Александра Хорошева. — Великий Новгород, Санкт-Петербург, Москва, 2009. — С. 342—356.

Пескова А.А. Об одном редком типе древнерусских энколпионов // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематич. науч. конф. (1—4 декабря 2004 г.). — СПб, 2004. — С. 161—167.

Торопова Е.В. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства физкультурно-оздоровительного комплекса по адресу: Новгородская область, г. Старая Русса, Минеральная улица, д. 62а (Курортный раскоп) / Новгородский государственный университет. — Великий Новгород, 2014. — Т. 1—10.

Уткин А.В. Курганный могильник близ д. Крутихи на р. Уводь // КСИА. — 1991. — Вып. 205. — С. 93—100.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские: кресты и образки. — К., 1900. — Вып. 2. — 25 с., 16 л. ил.

Bagińska J., Piotrowski M., Wołoszyn M. (red.). Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy. — Tomaszów Lubelski; Leipzig; Lublin; Rzeszów, 2012. — 448 [72] s.

Bołsunowski K. Znaki symboliczne na ołowiu (plomby): ich znaczenie i klasyfikacja (Les signes symboliques sur les plombs: leur emploi et classification). — Warszawa, 1903. — 36 s.

Dzięnkowski T. Przykłady średniowiecznych dewocjonalistów z terenu podgródzia i osady w Chełmie // Rocznik Chełmski. — 2013. — Т. 17. — С. 307—312.

Dzięnkowski T. Stan, potrzeby i perspektywy badań archeologicznych nad wczesnym średniowieczem zachodniej części ziemi chełmskiej // MiSROA. — 2014. — Т. 35. — С. 151—169.

Dzięnkowski T., Wołoszyn M. An encolpion from Czuczycze in south-eastern Poland // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Hi-

storical Evidence. U źródeł Europy Środkowo-wschodniej. — Kraków; Leipzig; Rzeszyw; Warszawa, 2012. — Vol. 2. — P. 391—401.

Gródek-Kciuk E. Enkolpiony znalezione na terenie Polski. Próba klasyfikacji i datowania // Przegląd Archeologiczny. — 1989. — Vol. 36. — S. 97—134.

Wysocki J. Enkolpion z Sałoczną // Cerkiew — wielka tajemnica. Sztuka cerkiewna od XI wieku do 1917 roku ze zbiorów polskich: Katalog wystawy. — Gniezno, 2001. — S. 48.

А. А. Пескова

ДО ПИТАННЯ ПРО МІСЦЕВІ ОСОБЛИВОСТІ У ВИГОТОВЛЕННІ БОРИСОГЛІБСЬКИХ ХРЕСТІВ-РЕЛІКВАРІЇВ В ГАЛИЦЬКО-ВОЛИНСЬКІЙ ЗЕМЛІ

Стаття присвячена дослідженням предметів особистого християнського благочестя, що репрезентовані в основному хрестами-реликваріями та іконками-складнями із зображенням святих князів Бориса і Глеба, які датуються другою половиною XII—XIII ст. і знайдені були на західних периферіях Галицько-Волинської землі. Ця група предметів поєднує в собі гравіювання і зображення черню і іноді характеризується нечитабельними літерними позначеннями. На широкому тлі порівняльного археологічного матеріалу автор приходиться до висновку, що частина цих виробів є продукцією місцевих майстрів, що спростили вихідні моделі, які були імпортовані з Києва або Вишгорода. Аналіз і наукова публікація багатьох предметів, згаданих у статті, здійснені вперше.

Ключові слова: середньовічна Русь, хрестиреликварії, іконки-складні, технологія, іконографія, епіграфіка, святі князі Борис і Глеб, регіональне ремесло.

A. A. Peskova

ON THE LOCAL SPECIFICITIES OF THE MANUFACTURING OF RELIQUARY-CROSSES ON THE TERRITORY OF GALICIA AND VOLHYNIA

The article deals with the objects of private Christian devotion of copper alloy with the representation of Saint Princes Boris and Gleb found in the western part of the Eastern Europe, 12th—13th century, especially reliquary-crosses and small pendant triptych icons. The devotional objects had been decorated with engraved and niello images and sometimes bears unreadable elements of inscriptions. At the broad background of archaeological materials the author argues the local production of several items with elements of simplification according examples brought from Kiev or Vyshgorod. The recently found pieces have been published and studied for the first time.

Key words: medieval Rus', reliquary crosses, triptych icons, technology, iconography, inscriptions, Saint Princes Boris and Gleb, regional craftsmanship.

Одержано 21.05.2016